

ИЗ ЖИЗНИ ЗВЕЗД

Майкл
ДУГЛАС:

«ГОЛЛИВУД—

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЙ

АНАЛОГ ООН...»

Новый фильм Пауля Верхувена с участием Майкла Дугласа «Первобытный инстинкт» («ЭС» писала о нем в № 27) был показан на открытии Каннского фестиваля. А недавняя премьера в США сопровождалась громкими скандалами: представители сексуальных меньшинств пикетировали кинотеатры и писали несмываемой краской поверх рекламных плакатов имя преступника, чтобы зрителям было неинтересно смотреть фильм, ибо, по мнению гомосексуалистов и лесбиянок, их среда и нравы изображены в «Первобытном инстинкте» негативно и одиозно. Публика престижнейшего европейского фестиваля, однако, восприняла ленту гораздо сдержаннее, ироничнее и строже. Но в одном и европейцы, и американцы оказались единодушны: Майкл Дуглас, несомненно, сыграл в «Первобытном инстинкте» одну из своих лучших ролей. И хотя десять лет назад многие видели в нем только сына Керка Дугласа, в лучшем случае — удачливого продюсера, желающего «засветиться» на экране, сейчас актерский талант Дугласа-младшего неоспорим. Французский «Премьер» называет его «звездой вне всяких подозрений» и публикует интервью Жана-Поля Шайе с актером, отрывки из которого «ЭС» предлагает своим читателям.

Российские телезрители на днях увидели актера в сериале «Улицы Сан-Франциско».

— Когда вы прочитали сценарий «Первобытного инстинкта», у вас не возникло мысли, что будет скандал?

— Для меня скандал — неожиданность. Конечно, почти самым принципиальным в сценарии Джо Эстерхаза было то, что главная героиня — женщина-бисексуалка. Но фильм судит о персонажах независимо от их сексуальных наклонностей. Я знаю, что несколько воинствующих гомосексуальных группировок — они, кстати, представляют ничтожную часть сексуальных меньшинств — раздобыли экземпляр сценария и раздули скандал сначала на съемках, а потом на премьере. Но это похоже на желание саморекламы, своеобразное умение погреться в лучах славы фильма. Я и сам согласен, что в кино мало положительных героев — гомосексуалистов. Тем не менее я имею право снять такой фильм, а зритель имеет право его смотреть или отвергнуть.

— Что вам больше всего понравилось в сценарии «Первобытного инстинкта»?

— В каждой новой роли я хочу идти вперед. Фильм прельстил меня удачной возможностью взглянуть на секс по-иному, сыграть двуличного, запутавшегося человека и притом не очернить его. Сейчас зрители любят героев, ведущих себя по-геройски. Но где в жизни можно найти совершенно плохих или совершенно хороших людей. Серый цвет — доминанта. И именно она больше всего сейчас интересует меня в человеке. Лица моих современников замкнуты; они скрывают пороки, жажду насилия и сексуальные фантазии, ибо общество научило нас подавлять их. В «Первобытном инстинкте» человек сталкивается лицом к лицу с этими чувствами и должен выбрать между саморазрушением и раскаянием.

— Ваш герой Ник — полицейский на грани нервного срыва. Его вот-вот уволит из полиции. Он одиночка, подумывающий о самоубийстве.

— Ник — человек, потерявший все: веру в себя, веру в других, немногочисленные иллюзии, которые могут остаться у человека его профессии. Он все время ходит по лезвию, губя себя и постепенно сходя с ума. Мне приходилось встречаться с работниками Бюро по борьбе с наркобизнесом. Они все время вращаются среди наркоманов,

они вынуждены притворяться таковыми и находятся в постоянной опасности. Их жизнь — это всегда ложь, риск того, что наркомафия может устроить проверку и «расколоть». Эта игра в кошки-мышки, приводящая к тому, что люди перестают отличать добро от зла.

— Вы выглядите в фильме похудевшим и очень сексуальным. Это результат специальной диеты?

— Мне удалось сбросить пятнадцать килограммов, но только с помощью зверского режима. Я сделал это из чистого тщеславия. По три часа в день проводил в гимнастическом зале, придерживаясь строжайшей диеты. Испытал что-то сродни состоянию боксера, готовящегося к важному матчу в установленный срок.

— Не это ли помогло вам подерживать то напряжение, что ощущается в Нике с первой до последней сцены?

— Нет. Роль Ника в основном пассивна. Он лишен стимулов к действиям и только реагирует на события вокруг. И это еще больше подавляет его. Внешне он производит впечатление благополучного человека, но известно, что может выкинуть в следующую минуту: или взорвется, или сохранит спокойствие. Совершенно непредсказуем.

— Но и ваша непредсказуемость уже вошла в поговорку. Вас сравнивают со спящим вулканом, который в любой момент может начать извергаться.

— Ну значит, я идеальный исполнитель!

— На съемках у вас возникали разногласия с режиссером Паулем Верхувеном: вы упрекали его в том, что он не уделял вам достаточно внимания на съемочной площадке?!

— Отчасти я сам виноват. Мне казалось, что будет лучше не просматривать отснятый материал до конца съемок. Однако, не имея возможности оценить собственную работу на пленке, я чувствовал себя неуверенно. Пауль же во время съемок ничего мне не говорил. В конце концов вулкан не выдержал и взорвался. Но если Верхувен предложит мне снова работать с ним, соглашусь с удовольствием. Этот режиссер точно знает, чего хочет, и имеет четкий образ будущего фильма. Надеюсь, что Пауль был мною доволен, хотя — повторю — ему все-таки не мешало бы сказать мне об

этом. Я тоже не подарок и особенно когда должен таковым быть по роли.

— Говорят, что за этот фильм вы получили 15 миллионов долларов?

— Я не только актер, но и продюсер и понимаю, из каких компонентов складывается успех фильма. Кинокомпания «Каролко» знает, что мое имя — гарантия успеха картины во всем мире. Знает и то, что я сам приму участие в рекламе ленты во многих странах. Поэтому Марио Кассар, президент «Каролко», доверяет мне, не сомневаясь, что фильм получит от меня все. В какой-то момент мне хочется и расслабиться, и поленившись, но я не забываю никогда, какие астрономические суммы денег тратятся на развлечение зрителей.

— Есть ли разница в восприятии фильмов с вашим участием американцами и европейцами?

— Все мои фильмы за границей всегда пользовались большим успехом, чем на родине. Причина — иной цензурный подход. В США традиционно более терпимы к насилию на экране, нежели к сексу. Меня беспокоит то, что из-за этого мы можем остаться в культурной изоляции, поскольку на международном уровне наши различия больше культивируются, нежели устраняются. Магия американского кино сегодня существует только потому, что голливудские фильмы смотрят во всем мире. С одной стороны, это создает определенные трудности для кинематографистов всех других стран, а с другой — Голливуд сегодня — кинематографический аналог ООН и отражение всех мировых кинопроцессов. Да, фильмы снимают американские кинокомпании, но половина их уже принадлежит японцам и австралийцам. Голливуд всегда готов принять талантливых людей из любой страны. Только что я закончил сниматься у голландца Пауля Верхувена, до этого работал с англичанином Ридли Скоттом.

— Когда вы почувствовали, что продюсера Дугласа оттесняет Дуглас-актер?

— Несомненно, во время работы над «Роковым влечением». В «Романе с камнем» и «Жемчужине Нила» я одновременно был продюсером, и часто финансовые проблемы для меня становились важнее творческих. В 1984 году я переехал в Нью-Йорк. Причин

было две: учеба сына и моя актерская карьера, повисшая в неопределенности. Я подумывал о поступлении на актерские курсы, о возвращении в театр. И вдруг интересные проекты пошли один за другим: «Кордебалет», «Роковое влечение», «Уолл-стрит». Огромный успех «Рокового влечения» и Оскар за «Уолл-стрит» вернули мне веру в себя. До этого все время спрашивали, почему, мол, Майкла Дугласа не устраивает положение удачливого продюсера. Это говорилось без всяких задних мыслей, и я вполне это понимал. Но тем не менее продолжал сниматься, потому что не мог без этого жить.

— Сейчас вы начинаете новую картину «Падение» («Falling Down») с участием Роберта Дювалля и Барбары Херши, режиссером которой станет Джоэл Шумахер. Вы по-прежнему уверены в себе?

— Да, я совершенно не представляю себе, как буду работать. Концепция фильма пока еще не определилась окончательно, и это беспокоит меня. Насколько я горжусь фильмом по его выходе, настолько ненавижу все, что этому предшествует.

— Чем вы сегодня обеспокоены больше всего?

— Отсутствием твердости и решительности. Ведь протесты и скандалы вокруг нашего фильма — всего лишь отражение глубокой обеспокоенности американцев положением в обществе. Меня лично волнуют изоляционистские тенденции в политике США. В то время, как в Европе рухнул коммунизм и страны Нового Света уверенно движутся к Объединенной Европе и общему рынку, Америка идет к экономической войне, хотя мы и собираемся полностью открыть наши канадские и мексиканские границы. Я много путешествую и с сожалением замечаю, что все группировки — политические, расовые, феминистские — строят свои программы на своих особенностях, на том, что отделяет их от всех остальных, в то время как, по моему мнению, решение всех проблем лежит в сближении стран и народов. И в завершение скажу, что самое огорчительное для меня — отсутствие настоящего лидера, способного вести народы и страны к объединению.

Перевела с французского
Елена ТЕЛИНГАТЕР.